

Чжун Мин не разочаровал - выслушав цену, сразу начал отсчитывать серебро и напомнил продавцу:

- Я это дарить собираюсь, так что упакуйте красиво.

За шпильку он отдал два ляна и два цяня, серебряные бусины стоили ещё два цяня. Всего вышло два ляна и четыре цяня. Под уговорами продавца он добавил ещё один цянь и купил два резных деревянных футляра - один для серёжек, другой для шпильки.

Лю Шуньшуй, глядя, как тот тратит за раз сумму, которой его семье на месяц бы хватило на еду, вытаращил глаза. Если бы он потратил такие деньги на подарок какому-то геру, не успел бы вынести за порог, как родители ноги переломали бы. Упакованные коробки, обёрнутые тканью для сохранности, Чжун Мин бережно убрал в корзину. Лю Шуньшуй случайно заглянул внутрь и увидел мясо, конфеты и красную бумагу.

По дороге обратно на лодку он не вытерпел и спросил:

- Смотрю на тебя - ты уже и сваху нанимать собрался? Это, выходит, до такого дошло, а ты мне не скажешь, к кому сватаешься?

Чжун Мин покачал головой:

- Скоро и сам узнаешь.

Лю Шуньшуй ещё больше уверился - уж точно к тётке моей свататься идёт, гадать нечего. Так что оставшийся путь он вёл себя с Чжун Мином особенно любезно, от чего тот лишь слегка опешил.

Вечером, поужинав, Чжун Мин пригласил дядю с тёткой к себе на лодку. Разложив три вида подарков для свахи, он едва успел всё показать, как у Тан Дацяна от изумления аж рот открылся и долго не мог закрыться обратно.

— Вы что тут, сговорились? Как это Чжун Мин уже себе пару нашёл, а я и слыхом не слыхивал?!

Чжун Чунься посмотрела на дары и заулыбалась во весь рот, потом рассказала мужу о Чжун Мине и Су И.

— Это дело личное, с семьёй гера пока ничего не было решено, тебе и не говорили. Сейчас узнал же.

Тан Дацян удивился, что избранник - это именно Су И из семьи Су. Он почесал в затылке и,

поразмыслив, сказал:

— Да ведь в первый день снятия запрета на морской промысел вы уже разговорились. Не с тех пор ли всё пошло?

— Нет, чуть позже, — ответил Чжун Мин.

Чжун Чунься толкнула мужа:

— Тебе, как дяде, чего уж так выпрашивать?

— Рад за племянника, — только и сказал Тан Дацянь, хихикнув.

Он, как и жена, считал Су И отличным гером: молчаливый, спокойный, с приятными чертами и аккуратный в делах - разве есть в нём хоть что-то дурное?

Втроём они обсудили, как будет проходить сватовство. На прощание Чжун Чунься сказала:

— Если завтра дождя не будет, я поведу тебя к Жун-няньцзы.

Не только Чжун Мин был в нетерпении, она сама ждала этого дня не первый год. Всё хотелось скорее и наверняка всё уладить, только тогда и будет покой на душе.

На следующий день небо прояснилось, облака разошлись. Чжун Мин, вымывшись и надев прошлогоднюю новую одежду, ещё с утра взял все нужные дары и, в сопровождении второй тёти, отправился на лодку к свахе Жун.

Родовая фамилия Жун-няньцзы досталась ей от матери, ведь та в своё время не вышла замуж, а приняла в дом супруга. У самой свахи всё сложилось так же: она тоже приняла мужа в семью, родила сына и дочь, и все они носят фамилию Жун.

Домом у неё была лодка, обустроенная аккуратно и со вкусом. На носу и корме стояли горшки с цветами, ухоженные и яркие, как и подобает судну, где живёт сваха, всё говорило о её ремесле и умении.

Чжун Чунься с ней была довольно знакома, так что встретились они тепло и по-дружески. Обменявшись несколькими вежливыми фразами, Жун-няньцзы улыбнулась:

— Сколько лет прошло — я уж думала, не дождусь, когда ты приведёшь ко мне своего А-Мина.

Чжун Мин с юности был на редкость пригож, да еще и в утробе матери, казалось, впитал

любовь к воде. Казалось бы, парень с такими данными будет нарасхват, но нет: осиротел рано, за ум не взялся, да ещё младший брат на руках. Хотя клан Чжун и помог, большинство всё равно считало его сомнительной партией. Слухи о нём когда-то ходили самые разные. Одни говорили, что он кого-то убил, другие - что держит в уезде содержанку. Говорили, что буйный, распутный, одним словом никуда не годится. Одни лишь грязные слухи.

Теперь же, услышав, что парень взялся за ум, да ещё и не с пустыми руками с моря возвращается, да каждый раз с дорогой рыбой — мысли у людей сразу зашевелились. Только за последние дни две семьи приходили к Жун-няньцзы с расспросами: мол, не она ли будет Чжун Мина сватать? Какие там у них условия?

Вот и выходит: стоит только слуху на ветру распространиться, а он уже и сбылся.

— Мы-то все знаем, каким был этот парень раньше, — с усмешкой проговорила сваха. — Какой же уважаемый дом на него позарится? Разве только если гер сам отважится, а сама его сватать я бы и не рискнула.

Чжун Чунься для виду пожурила Чжун Миня, но тут же смягчилась:

— Впрочем, теперь, когда возраст подошёл, наконец-то стал рассудительным, понял, что пора двигаться вперёд, обзаводиться семьёй, думать о детях.

Жун-няньцзы с готовностью поддержала, она подумала, что тётя с племянником пожаловали к ней с намерением подыскать подходящую партию.

— Молодёжь вся такая, — сказала она, — бывает, что доходит не сразу. Мы, старшие, сколько ни поучай, хоть язык сотрёшь, всё равно пока сам не захочет, толку не будет. Но возраст-то у него подходящий, до двадцати и речи о запоздалости не идёт.

Она повернулась к Чжун Мину с лучезарной улыбкой:

— А-Мин, скажи честно, кто тебе по душе — девицы или геры? Только мне, тетушке, скажи. Кроме Байшуйао, и в Байшаао я многих знаю, в этом деле тебе помогу как следует.

— Благодарю за заботу, тётушка, — с уважением ответил Чжун Мин. — Но, откровенно говоря, пришли мы не за тем, чтобы вы мне кого подыскали.

Услышав эти слова, Жун-няньцзы тут же всё поняла. Разумеется, уже есть тот, кому он отдал предпочтение, и теперь осталось лишь соблюсти формальности и обряд сватовства.

У сухопутных людей свадебный обряд был куда сложнее - три свата, шесть даров, сначала сваты, потом сверка имён, сверка гороскопов. Если звёзды благоволят, тогда в дом невесты снова приходили с дарами - это звалось «на чжэн», и только потом назначался день свадьбы.

У людей, живущих на воде, всё было проще: обычно в день сватовства сразу приносили подарки, и если обе стороны сходились в условиях касательно приданого и выкупа, дату свадьбы могли назначить тут же.

Для Жун-няньцзы такой поворот дел был почти подарком судьбы: хлопот меньше - ни уговаривать, ни подбирать, а вознаграждение за труды, и предсвадебное, и благодарственное после, достаётся почти задаром. Она тут же поправила выбившиеся пряди у висков, выпрямилась за низким столиком и, с улыбкой, промолвила:

— Я-то всё гадала, почему ты так долго не заговариваешь о браке, а оказывается хорошая судьба поджидала своего часа. Только вот одно мне интересно: из нашей ли деревни этот человек? Чья это дочь или чей сын?

Чжун Мин не стал ходить вокруг да около:

— Из нашей деревни. Гер Су И из семьи Су.

Услышав это, по лицу Жун-няньцзы заметно пробежала тень удивления, но она быстро взяла себя в руки, вновь изогнула губы в улыбке, но на этот раз в ней чувствовалась неуверенность. В Байшуйао геров из рода Су было немало, но тех, кто ещё не обручен по пальцам пересчитать, а по имени Су И был всего один.

— А-Мин, дело это важное, — сказала она с ласковым смешком, — разреши переспросить, чтобы, чего доброго, не вышло путаницы. Ты говоришь, гер Су И. Это тот самый "И" из "цзя-и-бин-дин"*?

Чжун Мин кивнул без колебаний:

— Именно он. Вы не ошиблись, тётушка.

(ПП: Здесь используется традиционный китайский список иероглифов, обозначающих порядковые номера: 一 (цзя), 二 (и), 三 (бин), 四 (дин) — это древние обозначения первого, второго, третьего, четвёртого и так далее. Таким образом, сваха уточняет: идет ли речь о втором брате или гере по имени И.)

Теперь же удивление в глазах Жун-няньцзы сменилось настоящим потрясением.

Кто бы мог подумать, что тот худенький, угрюмый, вечно молчащий и не знающий покоя от тяжёлой работы несчастный гер, которого все давно записали в дурные приметы, однажды и вправду выйдет замуж, и притом за самого Чжун Мина!

Столкнувшись с таким неожиданным претендентом на брак, привычные, давно обкатанные фразы застряли у Жун-няньцзы в горле: слова, что обычно легко срывались с языка, теперь не

шли вовсе. Она украдкой взглянула на Чжун Чунься, самую близкую родственницу Чжуна Мина, и заметила, что та остаётся спокойной и невозмутимой - очевидно, этот союз уже давно принят всей семьёй.

Что ни год, то неожиданность, а в этом так и вовсе чудеса на каждом шагу: гер, который якобы приносит несчастья своим близким, теперь сам собирается выйти замуж, и семья Чжун ещё и рада этому.

Чжун Чунься вовремя подала Чжун Мину знак, и тот вынул из-за пазухи свёрток и, развернув его, обеими руками протянул Жун-нянцзы красный конверт. Чжун Чунься, сдержанно улыбаясь, добавила:

- Мы всей семьёй очень полюбили брата И. Чжун Мину с его характером как раз и нужен такой тихий, кроткий супруг — он будет для него лучшей опорой и сдерживающей силой.

Жун-нянцзы оценила вес конверта, и, услышав такие слова, мысли в её голове завертелись: зачем мне вообще задумываться о чём-то лишнем? Тут и говорить нечего.

Она привычным движением спрятала красный конверт в рукав, а затем увидела и кусок вяленого мяса, и пакет сладостей - выгода лежала прямо перед ней. Раз уж дар свахе столь щедр, то и благодарность после заключения союза, без сомнений, будет ещё богаче.

Улыбка, что теперь расплылась на её лице, была уже самой искренней: с этого дня, по мнению Жун-нянцзы, Чжун Мин и Су И уже связаны красной нитью небесного брака, и если не вмешается сама Морская Богиня, то развязать её не под силу никому.

В отличие от выбора даты для самой свадьбы, день сватовства не требовал столь строгих условностей. Жун-нянцзы вынесла на стол альманах «Хуанли», пролиставала несколько страниц и назвала четыре подходящих дня - все в пределах текущего месяца.

- Шестое и двенадцатое - это в первой декаде, двадцать третье и двадцать пятое ближе к концу, — сообщила она.

Чжун Чунься прикинула:

- Сегодня четвёртое, значит, шестое это послезавтра?

Чжун Мин без промедления откликнулся:

- Значит пусть будет послезавтра. Послезавтра сватовство, к концу месяца свадьба.

Что до точной даты - двадцать третье или двадцать пятое - это решат позже, но чем скорее, тем

лучше. Даже Чжун Чунся не ожидала от племянника такой прыти и метнула в него выразительный взгляд, полный молчаливого укора, но тот, сжав губы, и не подумал отступить. Чем раньше свадьба, тем раньше Су И сможет покинуть тот дом. Если бы не условности, диктующие порядок обрядов, Чжун Мин и вовсе бы уже сейчас отправился забирать своего возлюбленного, не разбирая дороги.

- Есть ещё одно дело, — добавил он. — Надеюсь, тётушка поможет всё уладить.

Раз уж Лю Ланцао всегда твердит, будто все эти годы откладывала деньги, заработанные Су И, «на приданое», то сейчас как раз пришло время вытряхнуть из нее все до последнего медяка.

Шестое число седьмого месяца.

В самом конце часа Инь (примерно пять утра) Су И проснулся и вышел на палубу умыться свежей водой из реки. Прохладная вода смыла остатки сна. Су И развёл огонь в глиняной печке, поставил греться кувшин с водой, а сверху, в бамбуковом паровом ярусе, подогрел рисовые лепёшки.

С тех пор как между ним и Лю Ланцао с её семьёй произошёл разрыв, хоть ему и приходилось по-прежнему с ними сталкиваться, на душе стало куда легче. Он больше не чувствовал себя обязанным - ни жизнью семье Лу, ни даже горстью их риса. Поняв, что груз вины, давивший его на протяжении десятков лет, на самом деле был лишь хомутом, навязанным извне, он сбросил его, и с тех пор ничто уже не могло вызвать в нём страх.

Тем более что теперь он был уже не один.

Когда небо начало светлеть, подкрепившийся Су И взял в руки кувшин, доверху наполненный водой, накинул на плечо бамбуковую корзинку с шитьём, в рюкзаке разместил креветочную сеть и прочие принадлежности, и нагруженный всеми этими сумками он сошёл с лодки.

Последние дни он жил именно так: кроме еды и сна почти всё время проводил вне судна семьи Лу, лишь бы не сталкиваться с ними лишний раз, не надоедать им, как и они ему.

Он выбрал уединённый камень у воды и, устроившись на нём, при свете рассвета достал из корзинки почти готовую сумку с двумя карманами - далянь - и продолжил шить. Эти тканевые сумки с двумя отделениями, перекидываемые через плечо, были удобнее пояса и гораздо вместительнее обычных мешочков.

В прошлый раз, когда Су И чинил Чжун Мину одежду, он заметил, что на плечах ткань сильно протёрта, должно быть, от ношения коромысла. К тому же, возвращаясь из уезда после удачной торговли, Чжун Мин приносил большую горсть медяков, которые не помещались в обычный кошелек. Носить их в карманах неэстетично, а класть в корзинку опасно, вдруг кто позарится. Потому сумка-далянь казалась куда удобнее.

Ради этого Су И распорол одну из своих старых рубашек и сшил из неё далянь: ткань хоть и потертая, но если сложить в два слоя на дне, должно хватить. Оставалось только пришить верхние карманы.

По обычаю, если гер дарит что-то мужчине, принято хоть немного вышить: и красиво, и чувства передать можно, и рукодельность показать. Увы, для вышивки нужно иметь готовый узор. Раньше Су И брал трафареты у Лю Ланцао, когда шил для семьи Лу. Теперь просить было не у кого, а рисовать от руки он не умел. Поэтому он мог лишь постараться сделать далянь максимально прочным, чтобы вещь послужила подольше, компенсируя тем самым недостаток изящества.

Подумав о Чжун Мине, Су И на мгновение задумался, забыв о шитье.

С тех пор как закончился дождь, они не виделись уже пару дней. Чжун Мин действительно был занят и сейчас в его сердце появился узкий луч надежды: возможно, он занят делами сватовства и скоро должен подойти.

Планка ожидания и напряжение заставляли его сжимать зубы и не подглядывать, не пытаться узнать дату его прихода, ведь это не слишком уместно. Лучше дождаться честно. Он густо покраснел, но всё же склонился обратно к шитью. Пара карманов - дело несложное, но чтобы шов шёл ровно, стежки легли аккуратнo, он старался не торопиться, шёл мелко, терпеливо.

Когда он закончил, долгожданный рассвет уже уступил место солнцу. Су И достал далянь, проверил, чтобы каждый шов, каждая полоска лежит гладко. Убедившись, он сложил сумку, и плечи будто сами собой распрямились.

Солнце было уже высоко, приблизительно середина часа Чэнь, а если сегодня Чжун Мин не занят и у него в планах было возвращение к утёсам за уловом, то сейчас как раз самое время, он уже должен вот-вот показаться. С надеждой в сердце Су И ждал: если бы сегодня он точно пришёл, то удалось бы передать подарочную сумку и, может, в следующий раз, отправляясь в уезд, Чжун Мин уже будет носить ее.

И тут вдруг откуда-то сбоку донёсся окрик:

— Ой-ой, братец И! Что ты здесь сидишь? Скорей иди на лодку к своему дядюшке, все уже давно тебя ждут, целая толпа собралась!

Голос прозвучал столь внезапно, что Су И, резко обернувшись, услышал, как в шее щёлкнуло. Он с тревогой посмотрел в сторону, откуда донёсся оклик, и узнал невестку из семьи Ван. Их лодка стояла неподалёку от лодки семьи Лу, но особой близости с Лю Ланцао у неё не было. В тот раз, когда он сцепился с тёткой, эта женщина, помнится, выглядывала посмотреть, что за шум.

Однако что она имела в виду, говоря, что кто-то ждёт его на лодке?

Видя, что он стоит, как вкопанный, женщина нетерпеливо притопнула и подскочила к нему, схватила за запястье:

— Да жених твой уже с барабанами и трубами на лодку поднялся, а ты всё сидишь тут, глазками хлопаешь! Ишь, как еще выдержишь! Живо со мной, у тебя сегодня день великий, счастливый!

Су И в спешке стал собирать свои вещи, растерянный до дрожи в пальцах. Жена из семьи Ван, с которой раньше и парой слов не обменивался, теперь была непривычно оживлена, с охотой взяла у него кувшин с водой.

— Тебе ведь и впрямь непросто, с утра пораньше от этой своей тётушки с её каменным лицом бежал, спрятался подальше...

Су И, кроме как в лавке при продаже креветочного соуса, где волей-неволей приходилось говорить вежливости, почти не общался ни с кем из деревенских, особенно когда дело касалось односельчан. Он знал, что многие из них улыбаются лишь губами, не глазами, и как бы ни звучали их слова вежливо, за спиной наверняка плели о нём не самые добрые небылицы. Поэтому с течением времени он и предпочёл молчание.

По дороге обратно жена из семьи Ван болтала без умолку, и лишь под её нескончаемый поток слов Су И понемногу начал осознавать, что, собственно, происходит. Прошло всего три дня, а Чжун Мин не только не бросил слов на ветер, но уже подготовил сватовские дары, пригласил местную сваху и явился с официальным визитом на лодку семьи Лу, чтобы просить его руки!

Су И глубоко вдохнул, но ноги его, казалось, стали деревянными: двигаться он мог лишь потому, что его волокли за собой. Путь до дома оказался удивительно коротким, будто сам ветер гнал их сзади, и вот уже знакомый силуэт их лодки вынырнул из утренней дымки.

Он так торопился, что даже не подумал проверить, в каком состоянии его волосы и одежда. Всё ещё пребывая в каком-то тумане, он вошёл в каюту. Насколько он мог припомнить, лодка семьи Лу ещё никогда не бывала столь оживлённой. Су И машинально огляделся и сразу же, среди множества лиц, увидел Чжун Мина. Тот встретил его тёплой, мягкой улыбкой, и в этот миг сердце Су И немного успокоилось.

Но уже в следующее мгновение он почувствовал другой взгляд - тяжёлый, как удар хлыста, наполненный осязаемой злобой, пронизывающий до костей.

Су И ощутил перемену во взглядах и не стал отводить глаз, напротив, прямо, без малейшего колебания, ответил тем же. Он увидел Лу Юя - расфуфыренного, в яркой новенькой одежде, с цветком в косе - с бледным, перекошенным от злобы лицом. Губы его дрожали, челюсти стиснуты так, что лицо словно исказилось, став почти звероподобным.

Рядом стояла Лю Ланцао, ни тени улыбки на лице, уголки губ вытянулись в прямую линию, от

напряжения побелели. Лу Фэн, прильнув к ней, с глупым видом сосал палец, пуская слюни - целая струйка потекла вниз по подбородку, но даже это не вызвало у неё ни малейшего движения: платок остался в рукаве.

В этой атмосфере явной враждебности, только Чжун Мин и его вторая тётка Чжун Чунься сохраняли полное спокойствие. А сваха Жун, словно не замечая искажённых лица матери и сына, поднялась с места и, сияя, поспешила навстречу Су И.

— Ай, мой дорогой гер, скорее проходи, сегодня я пришла не с пустыми руками - принесла тебе весть о великой радости! — провозгласила она с широкой улыбкой, не дожидаясь ответа, и сразу продолжила:

— Чжун Мин, добрый и статный юноша, ровесник тебе, а звёзды и знаки говорят — ваша пара благословенна на небесах! Сегодня семья Чжун принесла три лян серебра, два отреза тонкого полотна, два доу белого риса и пару красных рыб в дар, чтобы просить тебя войти в их дом. Ну скажи тетушке, согласен ли ты на это счастье?

<http://bllate.org/book/13583/1205007>